

Проблемы и пределы регионализации в арабском мире и экономические интересы России на Ближнем Востоке*

Сапронова М.А.

Доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения
Московского государственного института международных отношений

В статье рассматриваются современные интеграционные процессы в арабском мире, анализируется их специфика и проблемы, мешающие арабским странам всесторонне взаимодействовать в рамках интеграционных структур и встраиваться в мировую экономическую систему. Дается оценка итогам экономической деятельности Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (далее – ССАГПЗ) и Союза арабского Магриба (далее – САМ) и делается вывод о противоречивых и неоднозначных процессах регионализации. Рассматриваются основные векторы экономического сотрудничества России с субрегионами арабского мира.

Ключевые слова: российско-арабские экономические отношения, Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива, Союз арабского Магриба, регионализация, интеграционные модели.

Проблематика регионализма получила широкое освещение как в отечественных, так и зарубежных исследованиях в 2000-х гг. При этом до настоящего времени продолжают дискуссии об определении региона, его структуре, принципах формирования и т.д. Существуют и различные теории относительно вопросов регионализации, зачастую существенно отличающиеся друг от друга концептуально. Связано это с тем, что многообразие регионов не позволяет создать единую теоретическую модель, а каждый регион демонстрирует существенную специфику в процессах своего развития и внутрирегиональной кооперации. Такая специфика присуща и арабскому миру, не позволяющая его однозначное отнесение к понятию «регион».

Особенности географического и геополитического положения арабского региона, его физико-климатические характеристики, синхронность исторического развития и в определенной степени этнокультурная идентичность предполагают, с одной стороны, наличие тенденции на сближение, экономическую и политическую интеграцию, тесную культурную взаимозависимость стран региона в современных условиях глобализации и регионализации¹.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00142).

¹ Следует подчеркнуть, что процессам глобализации и регионализации в арабском мире (особенно на рубеже веков) посвящены работы известных отечественных арабистов Б.Н. Гашева, Г.Г. Косача, Е.С.Мелкумян, А.О. Филоника, А.И. Яковлева и

С другой стороны, арабский мир, представляет собой достаточно подвижный конструкт. Условность границ государств, по мнению Г.Г. Косача, определяется тем, что они возникали под сильным воздействием европейских держав, а не внутренних процессов, что, в свою очередь, делает неопределенными «внешние» границы самого арабского мира [2, с. 153], политическая архитектура которого формировалась в результате колониальной экспансии.

Эта «неопределенность» в равной мере относится как к идее арабской идентичности², так и к практике ее реализации и формирования арабского геополитического пространства, объединяемого региональной политической структурой – Лигой арабских государств (далее – ЛАГ). Деятельность этой первой организации, возникшей в 1945 г., до настоящего времени не принесла ощутимых результатов, хотя она и воплощала общеарабскую национальную идею (идею «арабизма»), зародившуюся еще в середине XIX в. и ставшую выразителем интересов исторической этнической группы, идентифицируемой как «арабская нация», противопоставившей себя османам. После Второй мировой войны идея «арабизма» стала своеобразным инструментом воссоздания единого государственного образования некоторых других, ряда зарубежных, в т.ч. и арабских авторов, среди которых выделяется Самир Амин – критик глобального капитализма и теоретик концепции «периферийного капитализма» [1].

² В 9 арабских государствах порядка 30 % населения отличается от арабского мусульмано-суннитского большинства.

(«арабского отечества»), при этом методы достижения этой цели варьировались в каждом государстве от требования немедленной (и порой насильственной) ликвидации разделяющих границ до обеспечения координации действий на международной арене.

В 1960-е гг. идеи панарабизма продолжали оставаться актуальными не только в идеологическом, но и практическом плане, т.к. предлагали альтернативный путь решения сложных проблем экономического, социального, государственно-политического характера, с которыми сталкивались арабские страны по мере достижения политической независимости. В это время тяга к единству впитала в себя «национально-освободительные, антиколониальные, антизападные и антиимпериалистические» элементы [3, с. 9].

ЛАГ стала выразителем этой идеи, своего рода «общеарабским» политическим проектом. Арабское государство, обретя политическую независимость и присоединившись к ЛАГ, обретало свою этническую идентичность и становилось частью «арабского отечества», в котором, однако, далеко не всегда удавалось найти консенсусное решение по важнейшим вопросам. Уже в первое десятилетие деятельности Лиги намечались серьезные политико-идеологические противоречия между ее участниками, которые в дальнейшем приводили к серьезным конфликтным ситуациям.

В конце 1970-х гг. все больше обнаруживалась разобщенность и политическая противоречивость арабского мира, деструктивные результаты перегруппировки политических сил, разнонаправленность внешнеполитических курсов арабских стран, многовекторность их экономического развития. На первый план стали выходить амбиции отдельных лидеров, идея общеарабского единства уступала место политическому и экономическому прагматизму и «страновому индивидуализму». Так, например, в 1980-е гг. Алжир выдвинул собственную концепцию «альтернативного развития» и «позитивного добрососедства», которая впоследствии была концептуально обоснована алжирской дипломатией³. Тогда же активизировала свою деятельность исламская структура – Организация исламской конференции (далее – ОИК), усилившая раскол арабского мира за счет общественного запроса на «исламский путь развития».

В новых геополитических условиях акцент начал смещаться с общеарабской региональной на

арабскую субрегиональную интеграцию, в которой участвуют не все, а только соседние арабские государства, составляющие отдельный субрегион. В 1980-е гг. в арабском мире появляются сразу три субрегиональные структуры, при этом значительную роль в их создании сыграли не столько потребности экономического развития, сколько соображения безопасности, необходимость создания противовеса внешним политическим факторам. С этого времени правомерно говорить о начале процессов регионализации⁴ арабского мира.

Характерным примером этого стал *Совет арабского сотрудничества* (далее – САС) в составе Египта, Ирака, Иордании и Йеменской Арабской Республики, созданный в 1989 г., отчасти как противовес сформированному в этом же году Союзу Арабского Магриба (далее – САМ). Однако кувейтский кризис 1990 г. изменил расстановку сил в регионе: Египет принял участие в военных действиях против Ирака на стороне многонациональных сил, Иордания и Йемен поддержали Ирак. Наложение на Ирак международные санкции изолировали эту страну от мирового сообщества, поэтому об ее участии в деятельности какой-либо арабской организации не могло быть и речи. По сути, САС прекратил свою деятельность, просуществовав всего несколько лет.

Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) за период своей деятельности (с 1981 г.) достиг, пожалуй, наиболее серьезных, хотя и ограниченных, результатов в своей экономической интеграции (идет процесс формирования общего рынка и таможенного союза, совместного банковского контрольного органа и т.д.) Интенсивно развивается сотрудничество аравийских монархий в сфере обороны и безопасности: в 1984 г. было выработано Соглашение о единой оборонной стратегии и созданы совместные вооруженные силы «Щит полуострова»; в 2000 г. аравийские монархии приняли совместный план по оборонной политике; в 2001 г. был создан Высший оборонный совет и осуществлен крупнейший совместный проект в области оборонной политики – создана система опознавания самолетов, находящихся вблизи воздушного пространства стран ССАГПЗ («Пояс сотрудничества»).

В событиях «арабской весны» эта региональная организация сыграла определенную негативную роль. Нефтяные монархии в 2011 г. поддержали идею установления над Ливией зоны запрета полетов боевой авиации. Организация осудила «преступления против гражданского населения» и призвала

⁴ Регионализм можно рассматривать как политику и проект государств и негосударственных субъектов с целью развития сотрудничества и координации своих стратегий в данном регионе (при этом формы регионализма могут варьироваться от формирования идентичности на уровне определенного сообщества до оформления межгосударственных договоренностей и создания политических структур).

³ Основной ее тезис состоял в том, что развивающиеся страны, независимо от характера их социально-политических систем, в условиях, когда диалог «Север – Юг» завершился провалом, должны решать свои внутренние проблемы, опираясь на собственные силы. Отсюда – неизбежность расширения сотрудничества между ними, в направлении «Юг – Юг». В целях координации действий и выработки согласованной политики в 1986 г. по инициативе Алжира была образована группа по консультации и сотрудничеству «Юг – Юг», в которую вошли 15 стран Африки («Группа 15»). Однако в дальнейшем эта группа не проявляла сколько-нибудь заметной активности.

Совет Безопасности ООН немедленно вмешаться в ситуацию, а в случае с Бахрейном военная структура ССАГПЗ фактически подавила шиитское волнение в этой стране. Эти действия региональной организации подтвердили ее направленность в качестве механизма обеспечения национальной безопасности государств Залива.

Союз арабского Магриба (САМ) отличается от ССАГПЗ исключительно экономическим характером своей деятельности. Эта организация включила в свои ряды Алжир, Тунис, Марокко, Ливию и Мавританию. Ее документы провозгласили задачу «упрочения братских арабских уз», связывающих магрибинские государства, достижения ими «прогресса и процветания», а также укрепления мира в регионе «на основе справедливости и права» [4]. Однако до настоящего времени САМ так и не стала межгосударственным союзом, определяющим региональное сотрудничество.

В ходе т.н. событий «арабской весны» 2011 г. Лига арабских государств также заявила о себе как региональная организация, продемонстрировав свою способность влиять на ситуацию в регионе [6]. Однако механизм этого влияния серьезно видоизменился, равно как и его последствия, которые вышли далеко за рамки арабского мира. Крупнейшая арабская организация трансформировалась в инструмент достижения конкретных целей отдельными государствами, что наглядно было продемонстрировано в ходе ливийского конфликта (о чем свидетельствовала принятая ЛАГ резолюция [3]), а затем и ситуации в Сирии, когда четко обозначились цели отдельных арабских государств (Саудовской Аравии, Катара), сыгравших свою роль в разжигании внутренних конфликтов. Стало очевидно, что конфликтная компонента арабского мира существенно перевешивает его комплиментарную взаимозависимость, остановить центробежные тенденции уже не удастся, а общеарабская идея больше не является средством сплочения «арабского отечества».

Арабский мир стал все более отчетливо представлять собой довольно условное пространство, многослойное и многоуровневое, крайне разрозненное (в связи с событиями в Ливии и Сирии многие эксперты говорили о его «ливанизации») с плохо выраженными центрами и периферией. Он продемонстрировал свою способность создавать многочисленные конкурирующие «центры силы», представленные зачастую не только отдельными государствами, но и негосударственными акторами (террористические группировки, политические партии (Хизбалла, Хамас, Братья-мусульмане, этнические анклав). В этой многоуровневости отразилась и степень вовлеченности внерегиональных игроков в процессы, развивающиеся в границах арабского геополитического пространства.

Таким образом, современный арабский мир – это скорее совокупность субрегиональных пространств (Машрика, Магриба и Аравийского полуострова), тяготеющих к определенным цивилизационным основам, а наличие в них претендующих на роль «центров силы» государств или региональных организаций вовсе не означает, что формирующие эти пространства государства смогли создать эффективные структуры политической иерархии или достичь высокого уровня экономической интеграции.

Таким образом, процесс регионализации арабского мира идет крайне медленно, противоречиво, результаты этого процесса неоднозначны, что позволяет исследователям говорить о некоей «арабской» модели регионализации, в которой существенное значение имеет прежде всего политический фактор. Экономический аспект их сотрудничества на данном этапе остается под вопросом, т.к. арабские страны продолжают оставаться крайне дифференцированными по своему экономическому потенциалу, при этом их дифференциация настолько велика, что позволяет некоторые из них относить к динамично развивающимся государствам (Кувейт, например), другие – к беднейшим странам мира (Мавритания, Сомали). Есть в арабском мире и страны со сравнительно свободной экономикой, более соответствующие интересам ведущих государств мира по политическим соображениям или своим экономическим и сырьевым возможностям. Именно они – Египет, Иордания, Кувейт, Бахрейн, Катар, ОАЭ, Марокко, Тунис – стали членами ВТО. Другие – Алжир, Саудовская Аравия, Оман – участвуют в переговорном процессе по поводу вхождения в эту структуру. Такие страны, как Сирия, находятся на дальних подступах к ней. Столь существенная разница в экономических потенциалах не позволяет налаживать взаимовыгодное долгосрочное сотрудничество, а общая тенденция указывает на неспособность разобщенных арабских экономик существовать как интегрированный воспроизводственный организм и активно формировать собственную составляющую современного экономического роста.

Более того, арабский мир принадлежит к иной экономической системе и зачастую пытается противостоять правилам, навязываемым США и Западом. Характерным примером являются неудачи в реализации интеграционного проекта «Союза для Средиземноморья», инициатором которого в 2008 г. выступил Н. Саркози, который многие в регионе воспринимали как навязывание искусственной идентичности, не связанной ни с цивилизационными, ни с социокультурными факторами.

На крайне низком уровне остается и общеарабская торговая интеграция⁵, хотя попытки к расширению внутрорегионального сотрудничества пред-

⁵ Так, на внутриарабскую торговлю в 2000-х гг. приходилось не более 4-8 % их суммарного внешнеторгового оборота.

принимались⁶, равно как и шел процесс подписания новых интеграционных соглашений (как правило, на двустороннем уровне: о зоне свободной торговли с ЕС, США, Турцией, Сингапуром). Проблема эффективного экономического взаимодействия внутри региона тем не менее остается, о чем свидетельствует саммит ЛАГ 2019 г., на котором снова стоял вопрос о создании таможенного союза и арабской зоны свободной торговли [7]. Такого рода специфика интеграционных процессов в арабском мире и общий уровень его регионализации, естественно, не способствует вхождению арабского мира в глобальное экономическое пространство в качестве активного игрока. Между тем Россия, как и прежде, заинтересована во всестороннем сотрудничестве с современными арабскими странами, при этом *традиции ее взаимоотношений с отдельными субрегионами арабского мира имеют разную глубину, степень сближения и интенсивность общения.*

Так, *Ближний Восток* исторически был для России регионом, занимающим важное место в религиозной жизни, знакомство с которым состоялось задолго до официальной даты крещения Руси: путь «из варяг в греки» и оттуда на Ближний Восток славяне знали еще с VI в. Победа российской армии в русско-турецких войнах способствовала усилению интересов России прежде всего в Палестине. Уже тогда приоритетом российской политики в этом регионе было сохранение мира и спокойствия, о чем свидетельствует, например, инструкция вице-канцлера К.В. Нессельроде российскому посланнику в Константинополе А.П. Бутеневу (от 1 декабря 1830 г.), которая завершается ссылкой на волю императора: «Сохранять на Востоке прочный мир, в Европе заботиться о спокойствии народов и скрупулезном соблюдении трактатов, его гарантирующих, – такой принцип, неизменно направляющий политику нашего августейшего государя» [8, с. 5]. Этот принцип унаследовала внешняя политика Советского Союза, а затем и Российской Федерации, приоритетной задачей которых в этом субрегионе было поддержание мира и стабильности наряду с развитием с его странами многоплановых связей.

В 1990-2000 гг. Ближний Восток не был в числе приоритетов России, а в последнее десятилетие во главу угла был поставлен прагматизм, а именно: «экономическая выгода для государства и российских компаний, региональная безопасность, духовные узы между мусульманами и православными христианами России и Ближнего Востока» [9, с. 29].

⁶ В 1997 г. Экономический и социальный совет ЛАГ утвердил схему многосторонней торговой либерализации под названием Панарабской зоны свободной торговли (ПАФТА). В ней участвуют 18 стран, которые с начала 2005 г. отменили таможенные пошлины во взаимной торговле и сформировали зону свободной торговли. В 2004 г. было подписано Агадирское соглашение (Египет, Иордания, Марокко, Тунис), вступившее в силу в 2006 г.

В настоящее время с государствами ближневосточного региона у России преобладают межгосударственные политические связи, которые играют важную, в ряде аспектов – определяющую роль в современных международных отношениях (примером чему является успешная антитеррористическая операция в Сирии с участием Воздушно-космических сил РФ).

Что касается *североафриканских государств (Магриба)*, то история развития их двусторонних отношений с Россией насчитывает несколько веков: первые контакты с ними были установлены на заре российской государственности. Однако прошла целая историческая эпоха в становлении Российского государства и стран Северной Африки, прежде чем были установлены дипломатические отношения, а межгосударственные связи приобрели устойчивый характер. Активизация России в этом направлении происходила по мере усиления экспансии Франции в Алжире и Тунисе и Великобритании в Египте во второй половине XIX в. Тем не менее вплоть до обретения политической независимости государствами Магриба после Второй мировой войны их отношения с Россией (СССР) носили весьма ограниченный характер и сводились в основном к ограниченной торговле и консульской деятельности. Активизация их сотрудничества в других областях начинается только со второй половины XX в., когда были установлены полномасштабные дипломатические связи и существенно возрос товарооборот. К тому же в условиях биполярного мира противостоящие системы рассматривали государства Магриба в качестве «окна в Африку».

В настоящее время Россия активизировала торговые отношения с государствами Северной Африки; с Алжиром, Марокко и Египтом декларировано «стратегическое партнерство». С середины 2000-х гг. наблюдается рост абсолютных показателей и совершенствование форм делового сотрудничества России со странами Магриба, реализуются совместные проекты. С Египтом в 2018 г. Россия подписала договор о всестороннем партнерстве и стратегическом сотрудничестве, а также межправительственное соглашение о создании и обеспечении условий деятельности Российской промышленной зоны в экономической зоне Суэцкого канала.

Несмотря на продолжающийся конфликт в Ливии, политические отношения России с этой страной не прерывались, более того, двустороннее сотрудничество активизировалось в конце 2018 г.: проводились консультации на министерском уровне, состоялся визит делегации профильных ливийских компаний для переговоров и заключения конкретных соглашений по линии торгово-экономического сотрудничества (с Министерством сельского хозяйства был подписан протокол о сотрудничестве и соглашении о поставках зерна), прошли переговоры

с делегацией Ливийской национальной нефтяной корпорации и др.

Однако общая стоимость экономических интересов России во всем арабском регионе оценивается примерно в 4,5 млрд долл., а доля арабских государств во внешней торговле РФ составляет не более 3 %.

Что касается *стран Аравийского полуострова*, то еще к середине 1980-х гг. Россия не имела дипломатических отношений с большинством из них. Установление полномасштабных дипломатических отношений стало возможным только после начала перестройки: с Султанатом Оман они были установлены в 1985 г., с ОАЭ в 1986 г., с Катаром в 1988 г., с Бахрейном в 1990 г. В том же году было подписано соглашение об обмене дипломатическими представителями на уровне послов между Королевством Саудовская Аравия и СССР, а в мае 1991 г. начало работу советское посольство в этой стране.

На Аравийском полуострове в настоящее время наиболее активно развиваются отношения с Саудовской Аравией: в 2017 г. состоялся государственный визит короля Саудовской Аравии Салмана бен Абдель Азиза ас-Сауда в Россию, в ходе которого был подписан пакет документов, в частности, Соглашение о сотрудничестве в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях, Дорожная карта торгово-экономического и научно-технического сотрудничества, а также программа реализации сотрудничества в области использования атомной энергии в мирных целях. Также в ходе «Российской энергетической недели – 2017» прошла встреча министра энергетики России А. Новака с министром энергетики и промышленности Катара Мухаммедом бен Салехом ас-Садой. Аналитики сделали предположение о начале сближения позиций России и Катара в направлении установления стратегического партнерства по вопросам экспорта газа, ключевая роль в котором будет отведена именно ФСЭГ⁷.

При этом Россия не стремится получить контроль над ресурсами этих государств, а действует в направлении укрепления позиций российских нефтяных корпораций на Аравийском полуострове.

Именно комплекс вопросов, связанных с энергетикой, как представляется, занимает в настоящее время все большее место в российско-арабских отношениях, ведь от ситуации на энергетических рынках зависит экономическое развитие многих стран, вопросы энергобезопасности влияют на политику крупнейших держав, а крупные нефтяные компании являются лидерами технологического развития и обеспечивают спрос на прорывные технологии и отраслевые инновации.

В Энергетической стратегии России на период до 2030 г. подчеркивается, что «Россия, являясь одним

из крупнейших в мире производителей, экспортеров и потребителей энергоресурсов, планирует в целях обеспечения справедливых цен на энергоресурсы активно вести диалог со странами, производящими и потребляющими энергоресурсы, участвуя в работе международных энергетических конференций. Речь идет о сотрудничестве с промышленно развитыми государствами, а также взаимодействии с ведущими странами – экспортерами нефти – как членами ОПЕК, так и независимыми» [10]. Так, несмотря на продолжающуюся нестабильность в Ираке, российские энергетические компании, прежде всего «Лукойл», продемонстрировали свои успехи, выиграв по итогам 2012 г. половину всех нефтяных тендеров.

В настоящее время в нефтегазовом секторе Ирака, кроме «Лукойла», разрабатывающего с 2014 г. одно из крупнейших месторождений в мире – Западная Курна-2, активно работают еще две компании: «Башнефть» (дочернее общество ПАО «НК «Роснефть») в провинции Мутанна, и «Газпром нефть», которая в 2014 г. начала коммерческую добычу на месторождении Бадра (тендер на разработку этого месторождения она выиграла еще в 2009 г.). Геологические запасы Бадры оцениваются в 3 млрд баррелей нефти [11]. Доля российской компании в проекте составляет 30 %. Также «Газпром» был введен в строй 165-километровый нефтепровод, который соединил Бадру с системой трубопроводов Ирака. Кроме того, идет строительство комплекса по переработке газа и газопровод от месторождения до ближайшей электростанции [12].

В Северной Африке РФ продолжает развивать отношения стратегического партнерства в нефтегазовой сфере с Алжиром, где представлены «Роснефть», «Газпром» и «Лукойл». Несмотря на сложности в отношениях между Россией и Саудовской Аравией, в рамках инвестиционного форума в 2017 г. было подписано пять меморандумов о взаимопонимании, между саудовской компанией АРАМКО и крупнейшими российскими энергетическими компаниями.

Однако стремление государства обеспечить поддержку российскому бизнесу на Арабском Востоке сталкивается с социально-политической нестабильностью в этих странах. Надо осознавать также, что возможности России для широкого маневра в регионе капиталами и средствами явно ограничены, а ее ближневосточные устремления естественным образом наталкиваются на противодействие Запада и расширяющееся влияние Китая, уже занявших ведущие ниши в арабском ТЭК. Арабские страны, со своей стороны, придерживаясь в целом курса на развитие отношений «по всем азимутам», тем не менее принципиально не изменили традиционных приоритетов: их ключевыми партнерами остаются европейские государства, США и другие промышленно развитые страны, на которые приходится значительная доля торгово-экономических связей. Для

⁷ ФСЭГ – Федерация стран – экспортеров газа.

государств с низким уровнем экономического развития (Судан, Сомали, Йемен) основными партнерами являются другие арабские страны и прежде всего нефтедобывающие монархии Персидского залива.

«Арабский мир» в настоящее время представляет собой довольно условное пространство, многослойное и многоуровневое, крайне разрозненное, с плохо выраженными центрами и периферией, но со все большей вовлеченностью в него внерегиональных игроков.

Россия, как и прежде, заинтересована во всестороннем сотрудничестве с современными арабскими странами, при этом традиции ее взаимоотношений с отдельными субрегионами арабского мира имеют разную глубину, степень сближения и интенсивность общения, что находит свое отражение и в современной динамике российско-арабских отношений. Так, с государствами ближневосточного региона у России преобладают межгосударственные политические связи, которые играют важную, в ряде аспектов – определяющую роль в современных международных отношениях. С Северной Африкой Россия активизировала торговые отношения, с Алжиром, Марокко и Египтом декларировано «стратегическое партнерство». В отношениях с аравийскими монархиями преобладает комплекс вопросов, связанных с энергетикой, являющейся для России важным фактором внутри- и внешнеполитического развития. При этом нестабильная политическая ситуация на Ближнем Востоке и в Северной Африке оказывает непосредственное влияние на решение Россией задач ее энергетической безопасности, что актуализирует вопросы сотрудничества в этой сфере с арабскими государствами. Особую роль в процессе консолидации позиций ключевых стран – экспортёров нефти сыграли переговоры короля Саудовской Аравии Сальмана Бен Абдель Азиза Аль Сауда с Президентом России В.В. Путиным в 2017 г. В дальнейшем между Москвой и Эр-Риядом было достигнуто соглашение о продлении договоренности о сохранении нынешнего объема нефтедобычи на уровне 1,2 млн баррелей в день, которое было ратифицировано 1 июля 2019 г. на встрече членов ОПЕК в Вене.

Таким образом, можно говорить о том, что координация деятельности в области энергетики между Россией и Саудовской Аравией становится важнейшим двигателем ценообразования и нефтедобычи, заставляя потесниться других производителей. А энергетический диалог нефтедобывающих государств в рамках ОПЕК+ в целом является важным механизмом, способствующим разрешению споров в ценообразовании на энергоресурсы и решению инфраструктурных, социальных и экологических проблем региона.

Литература:

1. Amin S., Frank A.G. L'accumulation dépendante // *Incluye Bibliografía*. – 1978.
2. Косач Г.Г. Арабский мир: идентичность и структура геополитического региона // *Ближний Восток и современность*. – 2009. – № 39. – С. 153-176.
3. Руденко Л.Н., Соловьева З.А. Лига арабских государств и интеграционные процессы в арабском мире. – М.: Институт востоковедения РАН, 2007. – 189 с.
4. Договор о создании Союза Арабского Магриба / Ковтунов А.Г. Проблемы интеграции стран Магриба (1980-е – середина 1990-х гг.). – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 1998. – 194 с.
5. Resolution on the situation in Libya. League of Arab States (2011). – URL: <http://www.arableagueonline.org>
6. Сапронова М.А. Новая роль ЛАГ в региональных и международных отношениях // *Новое восточное обозрение*. – URL: <http://ru.journal-neo.org/2013/03/17/novaya-rol-lag-v-regional-ny-h-imezhhdunarodny-h-otnosheniyah/>
7. Beirut summit: Arab leaders agree 29-item economic agenda. – URL: <https://www.aljazeera.com/news/2019/01/beirut-summit-leaders-agree-29-item-economic-agenda-190120180407191.html>
8. Донцов В.Е. Россия и страны Ближнего, Среднего Востока и Северной Африки // *Россия и страны Ближнего, Среднего Востока и Северной Африки (проблемы и перспективы сотрудничества)*. – М.: Восток – Запад, 2009. – 250 с.
9. Трансформация в арабском мире и интересы России // *Аналитический доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай»*. – М., 2012. – 92 с.
10. Энергетическая стратегия России на период до 2030 года. – URL: <https://minenergo.gov.ru/node/1026> (Дата обращения: 17.10.2018).
11. Месторождения: Ирак. – URL: <http://www.gazprom.ru/about/production/projects/deposits/iraq/>
12. «Газпром нефть» начала коммерческую добычу и отгрузку нефти с иракского месторождения Бадра. – URL: <http://www.gazprom-neft.ru/press-center/news/1102775/>

Problems and Extents of Regionalization in the Arab World and Economic Concerns of the Russian Federation in the Middle East

Sapronova M.A.

*Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*

The article reviews contemporary integration processes in the Arab world, its context and issues that prevent Arab countries from interacting thoroughly within the framework of integration structures and fitting into the economic system. The results of economic activity of Gulf Cooperation Council (CCASG) and Arab Maghreb Union (AMU) are evaluated and it is concluded that the processes of regionalization are contradictory and questionable. The article reviews the main dimensions of economic cooperation of the Russian Federation with the sub-regions of the Arab world.

Key words: Russian-Arab economic affairs, Gulf Cooperation Council (CCASG), Arab Maghreb Union (AMU), regionalization, integration models.

